

Я помню Романа Арбитмана где-то со второй половины 1960-х годов: это сын моего старшего друга, а потом и научного руководителя в Радищевском музее. Он рос любознательным и восприимчивым ребёнком, а подростком обладал уже достаточно обширной информацией, особенно в сфере гуманитарной. Если сотрудники музея не знали каких-либо второстепенных исторических личностей, я насмешливо рекомендовал им обратиться к Роме, снимал трубку, и они слушали его ответ. Всегда он отвечал с оговоркой: «Мне кажется, что Рудольф Гесс — это сподвижник Гитлера. Он полетел, вероятно, для переговоров в Англию, где его арестовали, после войны судили, и он, вроде, всё ещё живой, сидит в тюрьме для нацистских преступников в Западной Германии». Роману было тогда около 14 лет. Осторожные оговорки оставались у него и позднее в разговорах вне сферы его основных интересов. А интересы его уже тогда были достаточно широки.

Его тезаурус рос стремительно, и, после поступления на филфак Саратовского государственного университета, я уже представлял Романа аспирантом, а затем и молодым профессором. И впрямь, достаточно прочесть его «Субъективный словарь фантастики» или даже абсолютно выдуманную им «Историю советской фантастики», чтобы осознать, что и сугубо литературоведческий его потенциал достаточно высок. Это ощутимо, несмотря на интеллектуально-провоцирующий и подспудно пародийный подход в его «воссоздании» становления и развития этого жанра в СССР.

Но Романа всё-таки тянуло к другому. Когда он был ещё в старших классах, а потом и в первые студенческие годы его отец приносил мне его стихи, к сожалению, их сохранилось немного. Они отличались какой-то взрослостью восприятия социально-исторических реалий, почерпнутых, как правило, из книг. Я представлял его, прежде всего, именно учёным. Но, похоже, что он вовсе не сожалел, что в молодости прошёл мимо аспирантуры и последующей научной карьеры, став популярным писателем и серьёзным литературным критиком.

Как и его отец, бесспорно, самый серьёзный искусствовед и художественный критик в Саратове, Роман оставил большое и разнообразное творческое наследие достаточно высокого уровня и вовсе не только сугубо местного значения. Эмилий Арбитман всегда говорил, что провинциальность — понятие духовное, а вовсе не географическое.

Уверен, что время прояснит реальное значение отца и сына в истории отечественной культуры. Ибо ничто настоящее не утрачивает своего значения с течением лет. Напротив, оно только проясняется в своей нетленной сущности.